ЛИМОНЫ, САПОГЪ И СОЛДАТСКАЯ ШАПКА.

Москва, говорятъ, построена на семи горахъ, вѣрнѣе холмахъ, а нашъ городокъ, Москвы уголокъ, на семи ярахъ — яръ яра круче. Каковы яры эти, посреди города, видно изъ бывшаго тамъ недавно случая.

«Лимоны хороши!» кричалъ протяжнымъ напѣвомъ подгородный зимній ванька, съ лоткомъ на головѣ, со складнымъ подстольемъ подъ мышкой, оглядываясь изъ подлобья во всѣ стороны. Зимнимъ ванькой назвалъ я его потому, что народъ этотъ по зимамъ въ легковомъ извозѣ, а лѣтомъ въ разносѣ; вотъ и промыслы. Лимоны, доставленные до полпути гужомъ, разбираются лакомками для чаю, болѣе чѣмъ по двойной цѣнѣ противу петербургской, и какъ только появятся, подносятся тутъ и тамъ въ видѣ гостинца.

День былъ праздничный. Рядовой внутренней стражи, одинъ изъ отданныхъ въ зачетъ помѣщикомъ, видно охотникъ до проказъ и парень бывалый, остановилъ лимонщика, заставилъ его раскинуть подстолье, поставить на него лотокъ, и принялся торговать лимоны, перебирая, пожимая и перенюхивая ихъ всѣ сподрядъ, такъ что разнощикъ уже и не радъ былъ этому грошовому покупателю, и упрашивалъ кавалера не изводить товара. Не успѣлъ мужичекъ подумать про себя: «Съ твоимъ ли хрюкаломъ лимоны нюхать?» какъ кавалеръ мой, набравъ въ распущенную горсть съ пятокъ лучшихъ лимоновъ, швыркомъ кинулся въ сторону, и всего–то на сажень, и исчезъ подъ землею, нырнувъ въ оврагъ. Лимонщикъ ахнулъ, взмахнувъ руками и растаращивъ пальцы, глядѣлъ въ пропасть, обрывистую какъ кремлевская стѣна. Одна только пыль подымалась оттуда ему на встрѣчу: ни лимоновъ, ни кавалера не видать. Наконецъ пыль прочистилась, а лимонщикъ все еще стоялъ, какъ ошалѣвшій, и глядѣлъ внизъ,

между тѣмъ какъ прохожіе, одинъ за другимъ, останавливались около него, толковали и не могли надивиться. Остановились и проѣзжавшія случайно дрожки, первая по всему городу щегольская пара вятокъ; толпа почтительно разступилась передъ состоящимъ по арміи блюстителемъ порядка, который опытнымъ глазомъ своимъ тотчасъ смѣтилъ, что наѣхалъ на происшествіе.

— Что тутъ такое? спросилъ онъ стоящихъ по краю оврага зрителей. — Да вотъ, говорятъ, солдатикъ ухватилъ, вотъ у этого, пятокъ лимончиковъ, и неосторожно кинулся съ ними въ яръ: видно убился, лежитъ не дрогнетъ.

Послѣ главнаго распоряженія: задержать лимонщика и задержать тѣхъ изъ свидѣтелей, которые по простотѣ своей не убѣжали со всѣхъ ногъ, завидѣвъ издали пару каурыхъ, было приступлено и къ менѣе важной части розыска по горячимъ слѣдамъ, то–есть къ осмотру на мѣстѣ кавалера. Оказалось, что въ раскатившихся на всѣ четыре стороны лимонахъ было

гораздо болѣе жизни, чѣмъ въ самоуправномъ хозяинѣ ихъ, котораго осталось только попотрошить, для порядка, да исключить изъ списка защитниковъ отечества.

Вторая, и, какъ я назвалъ ее, менѣе важная половина слѣдствія, была бы этимъ окончена; но первая, относящаяся не къ мертвымъ, а къ живымъ, только что началась тамъ, гдѣ первая кончилась. Зимній ванька, а лѣтній лимонщикъ, былъ очевиднымъ виновникомъ смерти служиваго, человѣка казеннаго, и ему грозила тяжкая отвѣтственность. Не менѣе того прикосновенные къ дѣлу, то–есть случайно проходившіе во время событія купцы и мѣщане, зазѣвавшіеся при наѣздѣ ухорскихъ вятокъ, навлекали на себя сильное подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что они разнорѣчили въ показаніяхъ своихъ съ городовымъ, котораго никто не видалъ на мѣстѣ происшествія, но который не менѣе того видѣлъ, что лимонщикъ столкнулъ солдата въ оврагъ. Даже самый хозяинъ несчастныхъ лимоновъ, отрекшійся отъ

своего товара, чтобы не впутаться въ уголовное дѣло, попалъ туда и съ головою, будучи уличенъ, что лимоны были имъ отпущены на продажу въ разносъ именно этому убійцѣ солдата.

Но что толковать широко, когда приходится оканчивать коротко, словно топоромъ отрубить: одинъ изъ подручниковъ блюстителя замѣтилъ скромно, послѣ перваго допроса, что дѣло это пахнетъ кусочкомъ. — Ломтицемъ, отвѣчалъ тотъ, запустивъ большой палецъ подъ кадыкъ и обдернувъ воротникъ — ломтицемъ, а на кусочки мы сами искрошимъ. И опытный взглядъ его не обманулъ: и несчастный лимонщикъ, на котораго бѣда навалилась, съ больной головы на здоровую, и прикосновенные на чужомъ пиру спохмѣлья: всѣ они вѣкъ помнили происшествіе это, и не скоро послѣ него оклемались.

А землемѣръ у насъ проще этого выкинулъ штуку, да замысловато подвелъ.

Тутъ хоть происшествіе–то было и мертвое тѣло было, все ужъ есть съ чего

начать; а тамъ — ни сучка, ни задоринки, а вымозжилъ, какъ пить далъ.

Пошли въ поле межевать, собравъ понятыхъ — глядь поперегъ поля на пару лежитъ какой-то отопокъ, изношенный сапожишка; знать и попалъ то сюда какъ-нибудь съ наземомъ. Межевой остановился, словно передъ находкою какою, подперся руками, поглядѣлъ на мужиковъ.

— Это что?

— Что? ишь — сапожишка старый.

— Сапожишка — да, это я вижу, да какой это сапожишка; откуда взялся, какъ сюда попалъ?

Мужики молчатъ, и не чаятъ, куда дѣло пойдетъ, что за важность въ старомъ сапогѣ этомъ.

— Я знаю, чей это сапогъ, продолжаетъ межевой, — я знаю: это сапогъ того коробейника, владимірца, который пропалъ въ прошломъ году безъ вѣсти; да. Приставить караулъ къ сапогу; послать за становымъ; послать гонца къ исправнику. Готовить сейчасъ третью подводу съ

нарочнымъ: я пошлю донесеніе къ губернатору....

Мужики переглянулись, вздохнули и поняли другъ друга. Одинъ выступилъ прямо, и сказалъ безъ обиняковъ:

— Полно, баринъ, грѣшить–то; живетъ же чай совѣсть и за свѣтлою пуговкою; двадцать пять бери, съ Богомъ, да и съ межи долой и съ сапогомъ–то, а нѣтъ, такъ, какъ хочешь, больше не дадимъ. Дѣло–то плёвое, выѣденнаго яйца не стоитъ; не возьмешь, такъ не пеняй: твою милость обойдемъ; не дороже станетъ оно, хоть бы у исправника.

Межевой былъ сговорчивъ; ударили по–рукамъ, заставили его же самого сжечь сапогъ, чтобы ему и помину не было, да чтобы нельзя было пугать послѣ крестьянъ тѣмъ, что–де они скрыли поличное, сожгли сапогъ, — и тѣмъ кончилось все межеванье. Землемѣръ на это лѣто пропалъ, уѣхавъ на иные промыслы.

Сапогъ хорошъ, а не стоитъ онъ того, чего стоила одна шапка.

Былъ такой исправникъ, которому старая солдатская фуражка приносила оброкъ, изъ году въ годъ, въ такой исправности, какъ дай Богъ, чтобы всѣмъ добрымъ помѣщикамъ платили оброчные крестьяне.

Въ уѣздѣ померъ безсрочный или отставной, съ какими–то знаками отличія, либо медалями. Представляя его и знаки эти, по заведенному порядку, сотскій счелъ нужнымъ собрать и другія принадлежности военнаго быта покойника, въ томъ числѣ и фуражку. Исправникъ бросилъ хламъ этотъ, уславъ только паспортъ и знаки. Прошло нѣсколько времени, и Богъ вѣсть отчего, настала какая–то тяжкая затишь въ дѣлахъ. Никакой покормки; ровно вотъ на смѣхъ, ни грабежа, ни мертваго тѣла, ни оказательства раскола, никакого путнаго происшествія. Наскучило это нашему исправнику, поглядываетъ онъ съ безпокойствомъ, и думаетъ: «плохо; эдакъ пріятели съѣдутся, да застанутъ врасплохъ, неначто будетъ послать и за шипучимъ. Сходить–ка самому въ судъ да перебрать

немного дѣла: этотъ оселъ, секретаришка, только лапу свою разжимать умѣетъ на готовое, а самъ ничего путнаго не пріищетъ.»

По пути въ судъ, исправникъ, и самъ не зная къ чему, приподнялъ крышку прилавка въ сѣняхъ, и заглянулъ туда: въ пыльномъ и грязномъ углу, вмѣстѣ съ изношеннымъ сапогомъ, лежитъ давно забытая солдатская фуражка. Богатая мысль блеснула молніей въ находчивой головѣ исправника. Выхвативъ фуражку, ровно кладъ, и спрятавъ ее тотчасъ подъ полу, онъ рѣшительнымъ шагомъ воротился въ комнаты, закричалъ изъ окна дневальному сотскому: «лошадей подавать!» взялъ фуражку и поскакалъ, посадивъ съ собою наемнаго разсыльнаго, человѣка вѣрнаго и опытнаго въ полицейскихъ дѣлахъ. Вѣрность и преданность этого рода цѣнятся въ мошенникахъ собратами ихъ дорого, и выражаются поговоркой: «рѣжь ухо — кровь не канетъ.» О разсыльномъ же этомъ, давно извѣстномъ въ уѣздѣ и

пережившимъ многихъ исправниковъ, коимъ служилъ то наставникомъ, то подручникомъ, крестьяне говорили, что въ немъ три плута наварены тремя мошенниками, изъ нихъ каждый правленъ на всѣ четыре стороны.

Пріѣхавъ въ одно изъ большихъ селъ, исправникъ остановился у зажиточнаго мужика, у котораго тотчасъ суета, бѣготня и стряпня пошли по всему дому. Верховой поскакалъ на мельницу за рыбой, верховой поскакалъ въ сосѣднее село за виномъ: пріятельская бесѣда тѣшила, въ ожиданіи ужина, и гостя и хозяина. Между тѣмъ исправникъ, по старой дружбѣ, открылся хозяину, которому давно уже хотѣлось знать, зачѣмъ тотъ пожаловалъ, открылся, что онъ пріѣхалъ съ обыскомъ, по какимъ–то доносамъ, на счетъ найденнаго въ прошломъ году въ другой части уѣзда мертваго солдата. Дружба дружбой, а вѣсть это пробрала хозяина холодкомъ, и разошлась тотчасъ шопотомъ по всему селу. Разсыльный вошелъ и положилъ шапку свою на лавку: это былъ условный

знакъ; исправникъ потребовалъ выборнаго съ понятыми и пошелъ. Всѣ со страхомъ слѣдили за нимъ глазами, покачивали головами, скромно размахивали руками и ждали что будетъ.

Обыскавъ для вида два или три дома, исправникъ, въ присутствіи всѣхъ понятыхъ, при помощи своего разсыльнаго, нашелъ старую солдатскую фуражку въ коноплянникѣ зажиточнаго мужика. Понятые невольно взглянули при этомъ вправо и влѣво, будто хотѣли разгадать, съ которой стороны она была перекинута черезъ городьбу. — Догадки такого рода никому не запрещаются, но въ подобныхъ случаяхъ ни къ чему не служатъ.

Послѣ шума, крика и приказаній заковать хозяина этого двора, пошли плачъ и просьбы бабъ, разумныя увѣщанія и убѣдительныя предложенія стариковъ. Мировую отпраздновали, когда уха и вино поспѣли, и исправникъ съ радостнымъ хохотомъ вполпьяна оправился домой. Ему теперь было чѣмъ и на что принять собутыльниковъ, и былъ сверхъ того

открытъ новый и нетрудный источникъ доходовъ, стоило только, въ любое время, выѣхать въ любое село съ своимъ разсыльнымъ и съ шапочкой–невидимочкой, — и сто рублей готовы: только, сдѣлай милость, бери. И шапочка эта нѣсколько лѣтъ сряду не покидала своего новаго, случайнаго хозяина, а разъѣзжала съ нимъ, какъ неизмѣнная подательница всѣхъ земныхъ благъ.

Наглость хозяина ея дошла до того, что онъ уже, бывало, и не трудится подкидывать ее, а намекнетъ только объ ней мужикамъ, сказавъ, что, коли заставятъ его идти съ обыскомъ и найдти ее, то это станетъ дороже — и пожива готова: солдатской фуражки боялись какъ огня, и она никогда въ нуждѣ хозяину своему не измѣняла.

Наконецъ, однако, промыселъ этотъ уже слишкомъ разгласился и ославился по уѣзду, да и надоѣла мужикамъ фуражка до самой крайности. Собравшись съ духомъ, они въ одномъ селѣ согласились удовольствовать на сей разъ исправника, но

уже съ условіемъ, чтобы докучной сказкѣ этой былъ конецъ: фуражка была выкуплена въ послѣдній разъ и всенародно предана огню, при общей попойкѣ и кликахъ радости. Такъ и всякому дѣлу бываетъ конецъ.